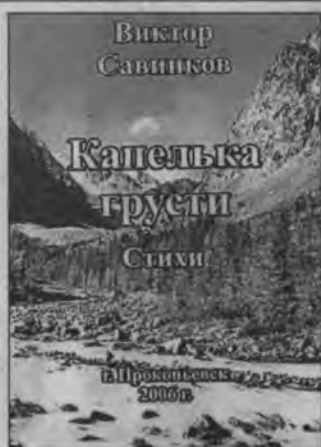

Алмазу нужна огранка

Просматривая книжку стихов прокопчанина Виктора Савинкова «Капелька грусти», подаренную мне, я все время думал о несправедливости судьбы в отношении одаренных людей.

Виктор Иванович родился в 1936 году в Прокопьевске и 35 лет отработал в шахте, в основном в забоях. Ничего не хочу сказать плохого о шахтерском труде, но горько и обидно становится от того, что творческие способности Виктора не получили должного развития в то время, когда его талант становился на крыло.

К сожалению, ничего в России не изменилось: и до сей поры у нас «светлые головы» используются в качестве «молотков для забивания гвоздей». Литературный труд не считается работой, а между тем нет работы более тяжелой, чем эта, поскольку всё, решительно всё проходит не через руки, а через сердце.

Искусство у нас продолжает развиваться не благодаря чему-либо, а вопреки всему. Так, вопреки всему, из Виктора Савинкова получился замечательный поэт.

В подтверждение этого сошлюсь на мнение известного кузбасского поэта Иосифа Куралова из предисловия к этой книжке: «Удивительная жизнь. И это уже не простое увлечение – это тяжелый крест судьбы, определенный ему небом, крест, который даром не дается».

Стихи этого уже немолодого человека, из которого шахта высосала здоровье, чисты и прозрачны, как родниковая вода, и предельно лиричны, а некоторые, ей-Богу, не хуже шекспировских сонетов!

Всю эту жизнь светла и горяча
Горит в твоей душе любви свеча.
И я, как раб полусонной, в ночи
Иду на этот огонек свечи.
Моей судьбе судил высокий Бог
Познать боль одиночества дорог.
Да разве плохо с трепетом в крови
Идти всю жизнь за красотой любви?
Мы оба над одной бедой кружим,
Мы чувству одному принадлежим.
Любовь, которой не подвластен край,
Я не предаю и ты не предавай.
Колышет ветер яблоньку в цвету,
Обожествляя нежностью мечту.
Всем сердцем слышу я день ото дня,
Ты все родней и ближе для меня.
Пусть даже я до счастья не дойду,
Пойду, споткнувшись и снова упаду,
Во мгле ночей на всем к тебе пути
Ты все равно мне одному свети.

Необходимо отметить, что отсутствие литературной школы подло мстит автору. В частности, мстит ритмическим сбоем в шестой строке этого великолепного стихотворения. «Моей судьбе судил высокий Бог познать боль одиночества дорог...» О «боль» с болью спотыкаешься.

В заключение приведу одну притчу, думаю, её уместно привести именно сейчас, когда областная власть, как будто бы начала понимать древнюю мудрость, повторенную в афоризме английским поэтом 19-го века Оскаром Уайльдом: «Не искусство из жизни, а жизнь из искусства. Каково искусство – такова и жизнь».

Кстати говоря, только что прошедший Собор православной церкви уделил этому моменту большую часть времени. Хотя речь шла о правах человека, она не могла не коснуться искусства – этого универсаль-

Избранные стихи Виктора Савинкова.

Я каюсь, каюсь, я впервые каюсь
Под пошлостью словесной шелухи,
Впервые я сегодня отрекаюсь
От кухонного права на стихи.
За что мне этот

непосильный график,
Боль по ногам, среди дня переполох,
Я ни за что ослеп от амфибрахия,
От ямба и хорей я оглох.
А Вы, мой замечательный учитель,
За стиль высокий Вас благодарю,
Возьмитесь за меня и отлучите
От гадостей, что людям говорю.

* * *

Звезд разбрызганных полет
В дальних далях плавится.
Ночь-поэзия бредет
Над страной, красавица.
Облака зарю звезды
Украшают рифмою,
И спускаются сады
В лог с речушкой тихой.
Спит сиреневый расцвет,
В нежных вздохах улица.
Здесь мой семнадцать лет
С девочкой целуются.
Здесь жалеет обо мне
За моё несмелое
Грустной песней в тишине
Платье её белое.

Поэтесса

Да, в душе бродит ласковый хмель.
Хмель вина золотистого цвета.
Ты прости меня, месяц апрель,
Но мне нравится женщина эта.
Почему? Я и сам не пойму,
Мне знакомы слова её строчек,
Её очи в зеленом дыму,
Мои самые милые очи.
Вот она по аллее идет
В тишине со своим интересом,
Не признает никто, не поймет,
Что навстречу идет поэтесса.
Ничего в ней особого нет,
Смотрит просто и просто одета,
Ты прости мою грусть, белый свет,
Но мне нравится женщина эта.

Пчелка

Что ты кружишь около да около,
Словно пчелка у медовых сот?
Принесла тебя сюда нелегкая
Легкая обратно унесет.
Поздно. Я отпраздновал поминки
По любви, которой больше нет.
Паутинкой залегли морщинки
На румяна пережитых лет.
Ты своим упреком плещешь в губы мне,
Что давно я не один уже,
Что протопал сапогами грубыми
По твоей, как белый сад, душе.
Дуя на холодную водицу,
Унижая все мои дела,
От меня ушла, ловя жар-птицу,
Но с другими счастья не нашла.
Не подаю в презрении и виду я,
Холодок покою покорю,
Не с любовью прежней, не с обидою,
Зная жизнь, спокойно говорю.
На земле две силы вьются около,
И одна из них меня спасет.
Принесла тебя ко мне нелегкая,
Легкая обратно унесет!

По весенним рассветам
Людмиле

думал о несправедливости судьбы в отношении одаренных людей.

Виктор Иванович родился в 1936 году в Прокопьевске и 35 лет отработал в шахте, в основном в забоях. Ничего не хочу сказать плохого о шахтерском труде, но горько и обидно становится от того, что творческие способности Виктора не получили должного развития в то время, когда его талант становился на крыло.

К сожалению, ничего в России не изменилось: и до сей поры у нас «светлые головы» используются в качестве «молотков для забивания гвоздей». Литературный труд не считается работой, а между тем нет работы более тяжелой, чем эта, поскольку всё, решительно всё проходит не через руки, а через сердце.

Искусство у нас продолжает развиваться не благодаря чему-либо, а вопреки всему. Так, вопреки всему, из Виктора Савинкова получился замечательный поэт.

В подтверждение этого сошлюсь на мнение известного кузбасского поэта Иосифа Куралова из предисловия к этой книжке: «Удивительная жизнь. И это уже не простое увлечение – это тяжелый крест судьбы, определенный ему небом, крест, который даром не дается».

Стихи этого уже немолодого человека, из которого шахта высосала здоровье, чисты и прозрачны, как родниковая вода, и предельно лиричны, а некоторые, ей-Богу, не хуже шекспировских сонетов!

Всю эту жизнь светла и горяча
Горит в твоей душе любви свеча.
И я, как раб подслепой, в ночи
Иду на этот огонек свечи.
Моей судьбе судил высокий Бог
Познать боль одиночества дорог.
Да разве плохо с трепетом в крови
Идти всю жизнь за красотой любви?
Мы оба над одной бедой кружим,
Мы чувству одному принадлежим.
Любовь, которой не подвластен край,
Я не предаю и ты не предавай.
Колышет ветер яблоньку в цвету,
Обожествляя нежностью мечту.
Всем сердцем слышу я день ото дня,
Ты все родней и ближе для меня.
Пусть даже я до счастья не дойду,
Пойду, споткнувшись и снова упаду,
Во мгле ночей на всем к тебе пути
Ты все равно мне одному свети.

Необходимо отметить, что отсутствие литературной школы подло мстит автору. В частности, мстит ритмическим сбоем в шестой строке этого великолепного стихотворения. «Моей судьбе судил высокий Бог познать боль одиночества дорог...» О «боль» с болью спотыкаешься.

В заключение приведу одну притчу, думаю, её уместно привести именно сейчас, когда областная власть, как будто бы начала понимать древнюю мудрость, повторённую в афоризме английским поэтом 19-го века Оскаром Уайльдом: «Не искусство из жизни, а жизнь из искусства. Каково искусство – такова и жизнь».

Кстати говоря, только что прошедший Собор православной церкви уделил этому моменту большую часть времени. Хотя речь шла о правах человека, она не могла не коснуться искусства – этого универсального формовщика душ...

«Что мне делать с моим ребенком, я обнаружил, что он начал писать стихи?»

Так обратился отец к одному мудрецу, и мудрец ответил ему: «Твоего ребенка за это нужно крепко выпороть».

Во второй раз приходит отец к мудрецу и говорит: «Порка не помогла, он продолжает тайно писать стихи».

Мудрец ответил: «В первый раз ты его выпорол с жалостью в руке, и эта жалость все испортила. Выпори безжалостно».

В третий раз приходит отец к мудрецу и опять жалуется на то, что его сын продолжает писать стихи: «Что же мне, убить его, что ли?» – спросил он мудреца.

- Нет, - ответил мудрец. – На этот раз найми ему хорошего, нет - самого лучшего учителя и не жалея денег на обучение этой премудрости. Очевидно, твоего сына коснулась рука Бога, так обучи язык его премудростям передачи неизреченного. Иначе он окажется в положении птицы, у которой изуродованы крылья. Он будет вечно смотреть в небо, не имея возможности взлететь».

И вот я думаю, сколько таких птиц с изуродованными крыльями выпустит в мир наше школьное образование и система культуры, если в школах не будет отбора, обучения и... да, да и отлучения тоже!

Михаил АНОХИН.

Под пошлостью словесной шелухи
Впервые я сегодня отрекаюсь
От кухонного права на стихи.
За что мне этот

непосильный график,
Боль по ногам, среди дня переполох,
Я ни за что ослеп от амфибрахия,
От ямба и хорей я оглох.
А Вы, мой замечательный учитель,
За стиль высокий Вас благодарю,
Возьмитесь за меня и отлучите
От гадостей, что людям говорю.

* * *

Звезд разбрызганных полет
В дальних даях плавится.
Ночь-поэзия бредет
Над страной, красавица.
Облака зарю звезды
Украшают рифмою,
И спускаются сады
В лог с речушкой тихою.
Спит сиреневый расцвет,
В нежных вздохах улица.
Здесь мои семнадцать лет
С девочкой целуются.
Здесь жалеет обо мне
За моё несмелое
Грустной песней в тишине
Платье её белое.

Поэтесса

Да, в душе бродит ласковый хмель.
Хмель вина золотистого цвета.
Ты прости меня, месяц апрель,
Но мне нравится женщина эта.
Почему? Я и сам не пойму,
Мне знакомы слова её строчек,
Её очи в зеленом дыму,
Мои самые милые очи.
Вот она по аллею идет
В тишине со своим интересом,
Не признает никто, не поймет,
Что навстречу идет поэтесса.
Ничего в ней особого нет.
Смотрит просто и просто одета,
Ты прости мою грусть, белый свет,
Но мне нравится женщина эта.

Пчелка

Что ты кружишь около да около,
Словно пчелка у медовых сот?
Принесла тебя сюда нелегкая
Легкая обратно унесет.
Поздно. Я отпраздновал поминки
По любви, которой больше нет.
Паутинкой залегли морщинки
На румяна пережитых лет.
Ты своим упреком плещешь в губы мне,
Что давно я не один уже,
Что протопал сапогами грубыми
По твоей, как белый сад, душе.
Дуя на холодную водицу,
Унижая все мои дела,
От меня ушла, ловя жар-птицу,
Но с другими счастья не нашла.
Не подаю в презрении и виду я,
Холодок покою покорю,
Не с любовью прежней, не с обидою,
Зная жизнь, спокойно говорю.
На земле две силы вьются около,
И одна из них меня спасет.
Принесла тебя ко мне нелегкая,
Легкая обратно унесет!

По весенним рассветам

Людмиле

Я не знаю, как быть,
Как мне жить под твоей красотой,
Догореть ли улыбкой
В малиновом пламени дня?
Дорогая моя, знаешь ты,
Я, пожалуй, не стою
Всей смородины глаз,
Что с надеждой глядят на меня.
Я вчера растерял
Все, что ценится под облаками,
Ветер шепотом дьявольским
Мне нелюбовь намолил.
Сердце бьется в груди,
Сердце бьется о ребра, как камень,
Потому что я нежность
По жизни другим раздарил.
Но неожиданно опять
Соловьями сады зазвучали,
Для меня прорыдали
Тревожную песнь камыши.
Под небесным огнем
В перезвоне любви и печали
Слышу зов дорогой,
Одинокой, мне близкой души.
По весенним рассветам
Я снова к любви возвращаюсь,
Жизнь без слез и без грусти
На две половины рубя,
В твое сердце вхожу,
Я тобою живу, я прощаюсь
Со всем тем, что случилось
С моею судьбой до тебя.